

Смагун

Елубай

писатель, заслуженный деятель
Республики Казахстан

«БЫТЬ ПОЭТОМ – ВЕЛЕНИЕ БОГА...»

...Самое интересное, что, беседуя с небом, поверяя свои тайны земле, Нурлан пребывает в таком состоянии, как будто разговаривает с другом, откровенно беседует с самым близким, родным человеком...

Чингиз Айтматов
1997 г.

Говорят, космическая любовь дана свыше только одному из тысяч... Если это так, то любовь, данная одному из тысяч, служит тому, чтобы не прекратилась жизнь на Земле, чтобы одни формы жизни не уничтожили другие, чтобы кочевье бытия было во всем достаточным.

Сначала Творец создал Мир. Потом он создал венец жизни на Земле – человека. И не просто сотворил, а сделал его прекрасным, одарив его чудом любви. Сотворил его по своему подобию, дал сознание, глаза, чтобы видеть мир, способность речи, чтобы мог выразить тайны божественной красоты. Таким образом... В конце концов, дал талант возлюбленному рабу своему, чтобы воспевал жизнь своим искусством, чтобы мог воспринимать животворное пламя от лучезарного света, оставленного пророками, чтобы излучать его вокруг себя и рассеивать мрак, сгустившийся над землей.

Выполняя эту миссию посредством искусства слова, мелодии ритмов, покоряя мир индивидуальностью слога, сколько талантливых художников слова отдали этому загадочному, полному тайн, залитому светом миру свою силу, передавая его жилам свой ток, свою энергию. Они служили такому священному неизъяснимому понятию, как Вечность.

Мы говорим, что талант от Бога. В самом деле Талант – благо, данное свыше избранному и возлюбленному рабу божьему. Поэтому долг каждого развитого общества – вовремя распознать талант, сохранить его, пропагандировать, дать возможность полностью реализовать на земле «мандат», данный Богом, выполнить свою миссию. На все воля Всевышнего! Таким талантам казахская земля и ее народ не чинит препон, сполна дает простор для расцвета. Одним из таких самородков является Нурлан Оразалин.

С рождения он был поэтом. Такой печатью отметил его чело Бог. Бог щедро одарил Нурлана сокровенным чувством поэтического слова. Детство моего друга, современника, единомышленника прошло в дружной семье, хранившей традиции любви и духовности. С отроческих лет его жизнь проходила на благословенной

земле Семиречья, склонах Хан Тенгри, с малых лет его взор воспринимал картины чудной природы. Талант, данный свыше, не давал ему покоя, очень рано приучил его к перу... Он вливал в его сердце напевы... На самом деле, это был природный импульс любви к матери, к родной степи, к народу, любовь к божественному свету, излученному Творцом, претворенному в подлунном мире, а также в таинственном чувстве, томившем грудь будущего поэта.

И это детское чувство, чистая мысль мало-помалу переходили в стихотворные строки, изливались словами на белой бумаге... И некоторые эти строки, зародившиеся в детстве в медовый юношеский период, до сих пор звучат в моей памяти. Вспоминаются стихи Нурлана, созданные сорок или пятьдесят лет тому назад. В те времена в них часто встречались такие образные, трогающие душу живописные слова, как «весна-чабан», «зеленая гора», «степные дали», «отрок». Не только Нурлан, все мы были неравнодушны к таким образным словам. Разве не превратилась такая отроческая страсть в истину поэзии, а истина в великую правду?!

Хотя нас всех воспитывали в атеистическом духе, в наших сердцах все же жила вера в то, что единый бог существует, поэтому не могу скрыть волнения, заново перечитывая вот эти строки поэта, написанные в шестидесятых годах.

Улетают дни...
 Дни растворяются, сгорают,
 Как первый снег, что стал добычей воды...
 Сгорают дни...
 В глазах моих сверкают,
 Словно осенние ярчайшие сады...
 (1970 г., пер. О. Жанайдарова)

Или:

Как сказочная, ранняя весна,
 Обжигая сердце мое,
 Стихами пеленая Небесные горы,
 Струны чувств затрагивает...
 (1969 г., подстр. перевод автора)

Или:

Непризнанные Есенины... Одержимые...
 По общежитию эхом отдаются их стихи.
 Мое двадцатилетие в объятиях тоски...
 Полночь...
 По улицам бредет.
 Идет в сопровождении дождей
 И сильных ветров,
 Идет с песнями, стихами,
 Идет под дождем...
 Выпрямляя крылья,
 Идет мое двадцатилетие...
 (1967 г., подстр. перевод автора)

Мы тогда наизусть знали эти строки, зародившиеся под небом Алматы в студенческие годы, с жаром повторяли их... Сейчас все это приходит на память. Стихотворения, пронизанные печалью и глубоким чувством, тем не менее звучащие ярко, несущие энергию и чаяния молодости. Сегодня мы, убеленные сединами, с высоты прожитых лет с тоской смотрим в прошлое. И это естественно.

На душе непокой,
 Кто поймет – отчего?
 Может, надо забыть эти голые камни,
 Это небо – хотя б только на день всего?
 И тревога душевная станет ясна мне?
 А звезда моя в небе рассыпала косы-лучи,
 А холмы мои в танец пустились, качаясь,
 И надежду мою от весны отлучив,
 Птицы в гнезда спешат,
 Вновь в сады возвращаясь...
 Это небо и горы,
 До боли любимые мной,
 Эта степь, что сливается с сердцем,
 С душой, с горизонтом, –
 Как они без меня?!
 (1970 г., перевод Л. Шашковой)

Или:

О, юная весенняя пора,
 Как сны, красивые золотые вечера,
 Несутся в небе кони белогривые,
 Как мои мысли, добрые, счастливые...

Мою печаль взвалила ночь на плечи,
 Создав из воздуха прелестницу Луну,
 В пространстве этом чувством бесконечным
 Не ухватить нам тишину.

... Клокочет сердце, возрождаясь вновь,
 Шумят леса, озера в камышах,
 Сжигая в теле яростную кровь,
 Эпоха скачет, словно аргатак.
 (1970 г., пер. О. Жанайдарова)

Это стихотворение я прочел некогда в тоненьком первом сборнике поэта «Беспокойное чувство» («Беймаза көңіл»), вышедшем в свет в 1977 году. И эта выраженная им мысль присуща отнюдь не молодому поэту, а взрослому, опытному. И эта мысль, которая может питать душу, с детских лет познавшую любовь, способна стряхнуть печаль с души.

Мы познакомились в стенах КазГУ за десять лет до того, как вышел этот сборник. В те времена Нурлан в самом деле был юношей, подобно ангелу, до безумия влюбленному в жизнь... Обуреваемый пламенным чувством, он взирал

на окружающий мир с любовью. Он излучал в этот мир только свет и радушие. И этот свет души очищал мир вокруг него. Невозможно было не быть ему другом в то время. Мы быстро сдружились...

И сегодня я тоскую по тем дням, по Нурлану тех лет... Не только по Нурлану, но и по Сагату, Адильбеку, Ризабеку, Сайлаубеку, Баккоже, друзьям-ровесникам, безвременно ушедшим в вечный мир. И я ищу те дни, когда мы были вместе с Нурканатом, Ырымом, Султанали, Аширбеком. В такие минуты я вновь перечитываю эти стихотворения Нурлана. Тем не менее в душе благодарность судьбе и Богу за то, что есть у нас прошлое, вёсны, далекие, словно миражи, которые теперь приходят на память.

И приходит понимание, что мы к семидесяти сильно изменились... Где беззаветная дружба студенческих лет? Где та незамутненная безмятежная детская чистота? В одном из стихотворений, посвященном старым друзьям, поэт так выражает это чувство...

В жизни ты, мой друг, уже другой,
Да и я давным-давно не прежний.
И не только внешне, дорогой...
Согласись, что ведь не только внешне...
(1976 г., пер. В. Антонова)

Мысль, лежащая в глубине души... Тем не менее...

Взрослея, мужая, мы теряем нечто и одновременно обретаем что-то, и это понятно. Акын, рожденный быть лириком на счастье казахской поэзии, эволюционируя, со временем стал замечать бесов, бросающих мрачные тени на цветущий облик прекрасного мира. С кровоточащим сердцем он написал стихотворение о том, как заявили о себе бесы в человеческом облике на Новой площади Алматы в 1986 году. Как они залили площадь кровью ангелов, вышедших на улицы в поисках справедливости, требуя равенства. И мы воочию узрели, как поэт мастерски обрисовал этих палачей, посланных Красной империей, демонов, не допуская мысли о равенстве туземцев с ними. Они разили их жестокими ударами.

Отчего-то дрожит мое сердце...
Могу ли вылечить мысли больные?
Говорят, что горе (безответное) опасно,
Вот уже целый год я – узник своих мыслей.

Кто может рассеять горе мое?
Душу мою обжигает кровавая площадь.
Вот уже целый год... Я потерял радость,
Как будто забыли земля и небо пир...
(1987 г., подстроч. перевод автора)

Или:

В Новой площади – боль и утрата.
Верю, что палачи будут наказаны...
(1987 г., подстроч. перевод автора)

И это хорошо видно по строкам данного цикла, написанного в 1987 году. Безусловно, это откровенные и смелые мысли, высказанные в тот период! Мысли, рожденные порывом бесстрашия!

Некоторые строки Нурлана из позже изданного сборника «Стужа-куралай», невольно приходят мне на ум:

В моем сердце потоки мелодий, стихов,
Я скучаю по песням широких пустынь,
Я ношу в себе думы и россыпи слов,
Век мой!
Слышишь, вопросы мои не просты...
(перев. Б. Джилкибаева)

И эти строки воспринимаются, словно вложенные самим богом в уста поэта. Несомненно, такой яркий стих мог создать только крупный поэт!

Декабрьское восстание – эпохальное событие, разбудившее народное сознание. Это сегодня неоспоримый факт. Те серьезные изменения и новые мысли, которые зародились в нас в те годы, берут начало в безвинной крови, пролитой на морозный белый снег в 1986 году. Декабрьские события наложили свой ясный и неизгладимый отпечаток и на поэзию Нурлана. Вот так начался необратимый рост и пробуждение поэта. Теперь в его поэзии нашли свое место не только гибкие, словно лоза, красавицы и манящая природа, но и суровые, неприглядные явления жизни, их влияние. Свидетельством этому являются стихотворения, вошедшие в сборники «Послание человечеству», «Стужа-куралай», наполненные чувством тревоги, упорства.

Слово гибнет...
Людей подчинил
Липкий страх...
К берегам неизвестный
Корабль приплыл...
Стала жизнь злой насмешкой
В сатанинских устах,
С чем сравнить твой
Когда-то негаснувший пыл?
(1992 г., пер. Б. Джилкибаева)

Или:

Должен высказать!
Коль нет...
Я как на одре синего пожара...
Считайте...
Что я чужой для потомков (своих).
Как я могу унести горькую правду –
Народную участь (трагедию) в мир иной?!
(1988 г., подстр. перевод автора)

Этот крик души, который не может никого оставить равнодушным, прозвучал в стихотворении «Голос беды» («Нәубет үні»), посвященном теме голодомора и геноциду тридцатых годов XX века. Такие обжигающие строки может создавать только то сердце, которое само опалено огнем катаклизмов прошедшего века.

По любым страницам этих двух сборников можно безбоязненно утверждать, что последекабрьский период стал особенно стимулирующим толчком для творчества Нурлана. В этот период поэт, безусловно, осознал свое главное поэтическое кредо. Перечитывая стихи «Закон вечности», можно убедиться в этом.

Этот буйный огонь
 Возгорелся без нас.
 И погаснет без нас.
 Крылья Времени-птице
 Подрезать
 Никто нам не даст.
 Жизни вечная цель –
 Возгораться
 И вновь исчезать.
 И Закон непреложный
 Не может менять
 Наша власть...
 (1992 г., перевод Б. Джилкибаева)

Так мы убеждаемся в том, что в поэзии Нурлана восьмидесятых и девяностых годов окончательно формируется взыскующий гражданский пафос. Теперь он уделяет больше внимания таким темам, как отчая земля, проблемы народа, нации. Недостаточно сказать «уделяет больше внимания», – в бушующих штормах девяностых годов душа поэта тоже клокочет и вздымается девятым валом.

1991 год. Осень. Советский Союз стоял на грани своего разрушения. До объявления Казахстаном своей независимости еще три месяца... Вдруг... 21 августа социальным вулканом дали себя знать известные события ГКЧП. ГКЧП, поставивший целью воссоздание Советского Союза, на три дня погрузил всех в атмосферу государственного переворота. И нам показалось, что волшебная мечта о независимости, обращаясь в мираж, вот-вот канет в небытие. Народы, уже дотягивающиеся до независимости, пережили атаку тревоги и страха. Это обстоятельство особенно встревожило передовую интеллигенцию в национальных республиках, уже объявивших о своей независимости и еще не объявивших, но всей душой принявших новую эпоху. Если эти события пробудили в некоторых «тайные надежды» на возвращение к прошлому, и они даже высказали свои чаяния, то другие дружно выступили с открытыми заявлениями, что нельзя возвращать на арену бытия исчезающую империю. Среди голосов последних громко прозвучал и голос депутата, поэта Нурлана Оразалина.

В те дни, 21 августа, взяв ручку, обращаясь к Президенту Нурсултану Назарбаеву, он создал такие вдохновенные строки:

Народ, как создатель великой эпохи,
 Выдержит все трудности и преграды.

Будет он – будут сыны достойные,
Которые могут вывести его из оков.

Душу режут осколки правды,
Ни перед кем оправдываться не надо.
Настал час бразды взять в руки
И вести Веру народную смело!..
(1991 г., подстр. перевод автора)

Бог всеведущ!

На наше счастье, в те критические дни Бог уберег весь мир и наш Алаш. Увлекая за собой народ, Ельцин взобрался на танк, бросил клич и вскоре «покончил» с поползновениями ГКЧП. Президент Казахстана поддержал Ельцина, занял свое место среди демократических сил, заметно мотивировавших распадающееся общество. Через 3,5 месяца Казахстан объявил о своей независимости. Занялась заря свободы.

В те дни мне особенно запало в душу стихотворение Нурлана, как поэтическое произведение, наполненное настоящим патриотическим чувством, гордо воспевшее Дух Независимости...

Мы, сыны Голубых тюрков, возродились,
Голубое знамя взвезло над нами.
Дух свободы, как запах дождя,
Прошёлся по долам
И горам
Великой степи.

История повернулась лицом:
Возродилось государство «Казах».
Вековые мечты и чаяния предков
Воспряли в сердцах потомков,
Обжигая огнем!..
(1991 г., подстр. перевод автора)

Один итальянский борец за свободу смело и уверенно сказал: «Мы совершили итальянскую революцию, теперь перед нами стоит задача создать итальянскую нацию». Подобно этому, перед казахским обществом, объявившим свою независимость, стояла более трудная задача, нежели объявление о Независимости, – ее сохранение. То есть новая история воздвигла перед молодым Казахстаном целую гору невзгод и испытаний. Если не одолеть эту гору проблем, возникала опасность потерять на этом пути целостность народа и независимость страны.

Сердце стучит. Мыслям покоя нет...
Нелегко народу. Сложно стало жить...
(1992 г., подстр. перевод автора)

Или такие строки из стихотворений «Нищий»:

Перед нищим жестянка
 Для жалких грошей.
 Взгляд у нищего – вечная рана.
 Что в душе у него?
 Память черных траншей?
 Быль далекая,
 Дальние страны?

Не пытайся узнать,
 Распросить всех окрест.
 Не ругай!
 Не стыди!
 Не позорь!
 Фронтовик, ветеран,
 Одинокий как перст,
 Лишь с бутылкой ведет разговор...
 (1992 г., перевод Б. Джилкибаева)

Поэт с болью в сердце пишет правду девяностых годов. Боль эпохи пронизывает сердце каждого жителя Великой степи, проходит через душу каждого жителя постсоветского пространства.

В стихотворении прослеживается Правда уходящей эпохи.

Правда – уходящей эпохи!

Правда – жизни!

Правда – человеческой души!

Так явились в жизнь впечатляющие произведения, вырвавшиеся из груди взволнованного поэта, рожденные светом огненной эпохи. Сейчас вспоминается, как, донельзя взволнованный после прочтения сборника «Стужа-куралай» («Куралайдың салкыны»), позвонил другу поэту, чтобы от души поздравить его. Этот сборник, энергичный, написанный в духе высокой правды, пришелся по душе интеллигенции и широкому кругу читателей.

Потому что... Это был голос поэта, возвысившийся тогда, в девяностые годы, годы сплошной безработицы, дефицита, воровства, преступлений.

Эти стихи были криком души сына народа, души, что кручинилась общей со всеми болью, унижением, страданием, неизвестностью перед будущим. Потому что невозможно было молчать, глядя на страдания народа, кинувшегося из одной формации в другую, с головой ушедшего в трудности и превратности жестоких водоворотов беспощадного капитализма... В произведениях поэта нашла впечатляющее воплощение тема «переходного периода» девяностых годов, то есть тернистого перехода от одной общественной стадии к другой, получившего название «шоковой терапии», и она была художественно решена с максимальной честностью и обостренным чувством справедливости взыскующего автора.

Сборник «Стужа-куралай» понравился читателю именно этим качеством. «Когда враг схватил тебя за ворот, а волк за штанину...» Народ, с риском для себя пробирающийся по историческому перевалу перехода от одной эпохи к другой, идущий по броду бурного потока, оказался целиком погружен в туман прогнившей идеологии капитализма, получившей название «либерализм». В руки нашей

молодежи, не успевшей понять, где правое, где левое, были всучены сектантские книги, в рот вложены наркотики, глазам представлена порнография, в подмышки – засунуто оружие. Из-за рубежа были экспортированы дьявольски изощренные методы обмана поколений, обезличивания нации. Не успели мы опомниться, как незваные гости стали делать свое черное дело по растлению людей, их развращению... Почувствовав беду, представители передовой интеллигенции забили тревогу. Не жалея ни сил, ни времени, они писали, говорили об этом. Одним из них был Нурлан Оразалин.

Это было время, когда люди, не имея ментального иммунитета, воспринимали с Запада всё самое худшее, попирающее общечеловеческие нравственные ценности. В результате, шокируя нас, в стране появились невиданные прежде преступления. Вскоре стало ясно, что ужасные явления, травмирующие мировое сообщество, такие как убийство человека без всякой жалости, жестокость, манкуртизм, суицид, гомосексуализм, педофилия, наркомания, пьянство, проституция, оставление детей, оставление престарелых родителей, разводы, принявшие массовый характер, масштабная коррупция, убийство родителей из-за денег, создали массу трудностей на пути защиты нравственного здоровья нашего народа. Если вовремя не поставить заслон на пути этого мутного потока, завтра будет поздно, намного труднее будет справиться с этой губительной внутренней болезнью. Можно сказать, что тогда не осталось в стране гражданина, кто беспокойно не предлагал бы свои методы выхода из бедственной ситуации. Эти пороки, заразившие наше общество, затронувшие духовную, нравственную сферу, вызвали острую реакцию поэтов. Акын Нурлан, объявив о своем кредо, тоже был занят поисками спасительного средства от этой общественной болезни. В стихотворении «Страх» поэт обращается жителям планеты:

...Вся Земля в тревоге,
Один ловкач –
Сатана ему имя – несется вскачь,
Красуясь, соблазняет, обманывает сердца.
В ноябре беседую с Небом,
Не отварачивая лица.

...От беспамяатства душа в тревоге...
Сомнения...
Словно страх
Весь мир захватил – на всех полюсах:
И запад... И восток...
И север... И юг...
Страх,
Ужас вокруг!

Весь мир в их власти.
Сатана подталкивает,
Черти готовы рвать на части.
Суетная жизнь меж небом и землей,
Словно глину месит разум людской...

Затомилось солнце...
Звезда за звездой стекает...
Цивилизация очаги сжигает...
Притяжение мира слабеет...
Дышид ад!..
Страх!
Ужас!
В ворота стучат...
(2011 г., перевод Н. Черновой)

И эти стихи – свидетельство того, что, созданные в огне борьбы, посвящены они именно спасению души человека. Начиная со стихотворений, написанных в 60-е и 70-е годы, «Свирелевое время» («Сырнайлы шақ»), «Беспокойное сердце» («Беймаза көңіл»), душа поэта пребывала в накале борьбы, не зная покоя. Однако в те годы подавляющая масса советских людей не вспоминала про Бога. Это было такое инфантильное атеистическое общество. Вместе с независимостью в народ Алаша стали возвращаться такие святыне понятия, как пост, намаз, хадж, то есть основы праведности. Казахские писатели тоже один за другим стали поворачиваться к проблеме совести и праведности. Эти великие изменения, способные спасти нацию от духовной катастрофы, нашли место в произведениях Нурлана, на стыке двух столетий трансформировавшись в особенно масштабную тему. Эта тема особенно заметна в сборниках стихотворений «Два мира» («Екі дүние») и «Диалог с Всевышним» («Тәңірмен тілдесу»), написанных в десятые годы нового века. Нижеприводимые мною стихи, не требуя лишних доказательств, концептуально свидетельствуют о планетарной природе художественного творчества поэта.

Храни меня, Создатель!
От зависти и порчи,
Капризов и апатий,
И от пороков прочих,
Слепой ничтожной мести,
Обманов и соблазнов,
Ползучей липкой лести
И от речей заглазных,
Гордыни непомерной,
Слепой бездумной страсти,
От гневных слов и скверных
И от лихой напасти.
Не дай в тоске оглохнуть
От горестных страданий.
Не дай душе иссохнуть
В бесплодных ожиданиях.
Храни меня, о Боже...
Мне никуда не деться!
И мой удел, похоже, –
Жить на разрыве сердца!
(2011 г., перевод К. Бакбергенова)

Или:

Мир уже на краю безысходности...
 Вера в загоне...
 Небо яд источает,
 Земля обратилась в золу...
 Это «божьи рабы»
 Преступают людские Законы
 И потомков своих учат
 Дьявольскому ремеслу...
 (2011 г., перев. К. Бакбергена)

Мы давно ждали таких поэтических новаций от Нурлана. Несколькими годами ранее, когда он сообщил, что закончил сборник «Диалог с Всевышним» («Тәңірмен тілдесу»), мы встрепенулись. Мы сильно обрадовались. И вот теперь, прочитав вышеназванную книгу, изливаем эту радость на бумагу.

Почему?

По той причине, что мы, как было сказано, 70 лет были под прессом идеологизированного общества. Мы даже стали свидетелями того, как казахи завели обычай выпивкой поминать своих покойников на ритуалах. Подвергались отрицанию язык, религия, традиционная культура, сформированная веками. Манкуртизм возвеличивался, национальный патриотизм подвергся обструкции. Нация впала в духовную деградацию... Когда взошла заря независимости, нация, взглядевшись в ее зеркало, ужаснулась отражению самой себя. Нравственность, глубоко спящая в сознании народа, начала пробуждаться, нация принялась исправлять свой искаженный облик.

Однако... Как выправить духовный облик казахского народа, вышедшего из безбожного общества измененным? Как мы спасем людей, привыкших к манкуртизму, незнанию родного языка, безбожию, бросающих своих детей на мусорных свалках? Вот такие вопросы обострились у каждого думающего казаха...

Кто-то сказал, что эти преступления можно остановить, только подвергая нарушителей тюремному заключению. Другие сказали, что надо давать знания. Третьи пришли к выводу, что поможет воспитание. На самом деле, в борьбе с преступлениями помогут все эти меры. Тем не менее, откуда появились эти пороки у казахов, которые раньше не знали таковых? Когда мы задумались над этим, мы словно лишились дара речи. Три мудреца, высказавшие эти три предположения, не в состоянии найти ответ на тупиковый вопрос, оказались в растерянности. И тогда к ним присоединился четвертый. Этот мудрец предположил, что эти пороки берут начало в казахском обществе, в течение 70 лет находившемся в состоянии преобладающего безбожия. Безбожное общество – безнравственное общество. Безнравственное общество не имеет духовной памяти. Общество, не имеющее духовных устоев, – бессовестное общество. Человек без совести – орудие в руках дьявола. Так сказал он.

И что делать тогда? Возник такой вопрос... «Вернись в лоно своей Веры!» – ответил он. У народа Великой степи до атеизма не было ни одного из названных пороков. И четвертый мыслитель сказал, что традиционная нравственность ты-

сячелетиями спасала народ Великой степи от этих пороков. Слава богу, сегодня ряды последователей четвертого мыслителя растут на глазах. Великая степь повернулась лицом к праведности. Творческая интеллигенция тоже поворачивается лицом к проблеме Совести. Книги Нурлана Оразалина «Два мира» («Екі дүние»), «Диалог с Всевышним» («Тәңірмен тілдесу») – доказательство тому. Понятие Совесть у Нурлана является эквивалентом понятия Вера!

...Дети Адама и Евы (заблуждаясь)
Начали воспевать оду Сатане...
(2012 г., подстр. перевод автора)

Кто-то верит в тебя...
Кто-то, может, не верит...
Ну и пусть!
Будь уверен в себе безраздельно,
Мой друг.
Пусть надежды свечу
Не задует неистовый ветер,
Пусть не меркнет спасительной веры
Огонь на ветру.

...Может, кто-то смолчит...
И ни слова не скажет худого...
Может, кто-то зашепчет завистливо,
Зло за спиной.
Только пусть будет честным
И праведным каждое слово,
Пусть людей поразит
Оно ясной своей глубиной!
(2011 г., пер. К. Бакбергенова)

...В огне Восток, в потемках Запад,
А в сердце чад земного яда...
Неужто в радостное завтра
Никто не верит – и не надо!

Скандалит мир во славу розни.
Зло человечеству пророчит?
А мы хотим, пока не поздно,
Добра и счастья, между прочим.
(1996 г., перевод С. Мнацаканяна)

Прийти... Уйти...
Нет горше нашей доли,
Но в этом жизни суть и естество.
Все остальное, знаю, в Божьей воле,
И человек всего лишь раб его.

У каждого из нас своя дорога...
 Все решено давно на небесах...
 Да, доля каждого из нас от Бога,
 Но жизни взвесят
 На людских весах...
 (2011 г., пер. К. Бакбергенова)

Судя по содержанию этих двух сборников, душевный мир поэта, взволнованный такими императивами, как жизнь, бытие, нация, судьба поколений, в думах о будущем народа и его земли заявившего: «не умолкает в сердце крик о будущем», определяется такими чертами, как масштабность, энергичность. По этим книгам можно выявить кредо поэта Оразалина – защита души человека, стремление сохранить его любовь, неизбежное желание найти ответ на «безответные, трудные вопросы», наиболее характерные для данной эпохи, такие как человек и общество, эпоха и человек, народ и мироздание. При этом поэзия Нурлана далека от сухой дидактики и неуместного назидания.

Обратим внимание на эти строки поэта:

Я в сердце чувствую мятеж,
 Протест какой-то против щебета,
 Я в небе чувствую, хоть режь,
 Неуловимый клекот лебедя.

А это просто голос твой –
 Я уловил его мелодию,
 И в небе облик золотой
 Напоминает мне о Родине...

Как повторить хотя бы раз
 Мое видение чудесное?
 Скакун-звезда, в ночи светясь,
 Летит...
 О чем ее известие?..
 (2002 г., перевод С. Мнацаканяна)

Сколько мыслей, чувства, какой простор, какая провиденциальность ощущается в этих строках! Душа поэта занята поисками ангела-спасителя в мире, заполоненном демонами, – это показатель настоящей поэзии, вышедшей на вершины мировой эстетики. Разве не сказал великий Абай: «Если откроется око сердца, Излучится на землю свет Бога...»!

Сборники «Два мира» («Екі дүние»), «Диалог с Всевышним» («Тәңірмен тілдесу»), их яркие, запоминающиеся произведения, написанные именно в поиске духовной опоры в бездуховном мире, многое дающие читателю, способны пустить глубинные корни, от которых пойдут сильные молодые побеги. И в художественном плане, как вы заметили, здесь неожиданные обобщения, вновь открытые горизонты, новые мотивы и ритмы! Эти произведения мы должны оценить не

только как новаторские достижения Нурлана Оразалина, но и в целом как новые страницы казахской поэзии в новую эпоху, ее новые живительные процессы, новое течение с широким многообещающим руслом.

Искусство слова, остановленное в своем развитии в начале XX века молотом атеизма, спустя век получило мощный импульс от национальной духовной традиции с ее загадочной и волшебной глубиной, нашло продолжение и расцвело во вновь обретенном русле!.. Благодаря этой традиции искусство слова, нашедшее подпитку в нравственности, чьи корни залегли в глубине истории Великой степи, обновившись, возродившись заново спустя век, поднявшись на высоты мировой поэзии, вернулось к нам в наши просторы в качестве истинной поэзии высокой пробы...

Это же традиция, завещанная нам не так давно великим Абаем, а в глубине веков Яссауи! Вспомните! Великаны поэзии: Руми, Фирдоуси, Саади, Хафиз, Хайям, Рудаки, Навои, Низами, Махтумкули, Джами, – это традиция, сформированная их произведениями, вошедшими в вечность!

Духовная традиция!..

Если поэт воззвал к Богу: «Алла!», то Бог всегда его поддержит... Он помогал ему, вдохновлял... Открывал ему дорогу...

В одном из своих ранних произведений Нурлан сказал: «Быть поэтом – веление Бога». А значит каждое слово наше перед Всевышним всегда должно быть подкреплено Честностью, Справедливостью, Искусством!

Август 2015

Перевод Аслана Жаксылыкова.

